

УДК 94(100) "1939/1945"

DOI: [HTTPS://DOI.ORG/10.5281/ZENODO.22791996](https://doi.org/10.5281/ZENODO.22791996)

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ У. ЧЕРЧИЛЛЯ И ЭВОЛЮЦИЯ БРИТАНСКОЙ «ПЕРИФЕРИЙНОЙ СТРАТЕГИИ» НАКАНУНЕ И НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Потапов С. А.

*Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Уральского государственного педагогического университета
г. Нижний Тагил, Российская Федерация
E-mail: sergey.potapov.2011@bk.ru*

Представлена попытка раскрыть взаимосвязь стратегического мышления У. Черчилля и эволюции британской «периферийной стратегии» накануне и на начальном этапе Второй мировой войны (до конца 1941 г.). При подготовке статьи предполагается учет всего многообразия идей, событий и явлений, влиявших на этот процесс: этапы развития военной доктрины и внешней политики Лондона рассматриваемого периода; формирование стратегических взглядов британского лидера и его военного мышления до начала мирового конфликта; стратегические идеи Черчилля сентября 1939 – декабря 1941 гг. в контексте развития войны и учета определяющих их военно-политических факторов; общая геополитическая ситуация. Отмечается, что позиция британского лидера всегда определялась стремлением всеми способами сохранить положение Британской империи в условиях нового мирового конфликта и, как результат, быстрого ухудшения для Лондона глобального баланса сил. Материал статьи показывает совпадение стратегических идей и решений премьер-министра с принципами британской традиционной «периферийной стратегии», что объясняется как сформированными под влиянием накопленного опыта взглядами самого Черчилля, так и динамикой военно-стратегической ситуации, сложившейся для Лондона к началу и на первом этапе войны. Эти принципы базировались на стремлении, в силу ограниченности британских ресурсов, вести максимально «экономную» войну: без крупных сухопутных операций на европейском континенте до серьезного ослабления Германии и ее союзников; с учетом приоритетности собственных воздушно-морских операций и действий в Средиземноморье для сохранения атлантических коммуникаций, важнейших имперских позиций и активного экономического воздействия на противника; в ожидании вступления в войну СССР и, особенно, США и, как результат, принципиального изменения конфигурации мировой борьбы.

Ключевые слова: Вторая мировая война, межвоенный период, Великобритания, Черчилль, военная стратегия, 1939–1941.

ВВЕДЕНИЕ

В рамках данной статьи предпринимается попытка показать взаимосвязь стратегических взглядов У. Черчилля и эволюции британской «периферийной стратегии» накануне и в начальный период Второй мировой войны (до конца 1941 г., т. е. вступления в мировой конфликт СССР и США и окончательного формирования антигитлеровской коалиции). Поскольку стратегическое мышление подразумевает анализ масштабных проблем в контексте обоснования вариантов их решения на долгосрочную перспективу, данная проблематика статьи связана с

рассмотрением следующих вопросов: процесс формирования и развития военного мышления будущего премьер-министра к началу нового мирового конфликта, в частности под влиянием негативного наследия Первой мировой войны; взаимосвязь его идей с историей и эволюцией британской военной теории и практики; оценка влияния У. Черчилля на процесс выработки стратегии ведения войны в сентябре 1939 – декабре 1941 гг. и анализ факторов, определявших эволюцию этой стратегии.

Тему анализа особенностей стратегического мышления У. Черчилля в контексте эволюции «периферийной стратегии» Лондона периода Второй мировой войны трудно отнести к числу наиболее изученных в отечественной историографии аспектов деятельности самого знаменитого британского политика XX века. Основное внимание в достаточно многочисленных работах советского и постсоветского периодов уделялось дипломатической и общегосударственной деятельности У. Черчилля; в центре внимания было рассмотрение роли британского лидера в процессе создания антигитлеровской коалиции, его участие в «большой тройке» и, особенно, в развитии советско-британских отношений [12; 16; 18; 19]. При этом детализация анализа военно-стратегических аспектов деятельности премьер-министра, необходимого для понимания эволюции британской «большой стратегии» ведения войны, оставалась относительно небольшой. Интересно отметить, что и в обширной и информационно насыщенной зарубежной историографии, посвященной деятельности У. Черчилля [см. например: 3; 5; 11; 30], только отдельные работы претендуют на комплексное раскрытие особенностей его стратегического мышления и влияния его взглядов на военно-политические аспекты британской стратегии [1; 2; 29; 32–34].

В статье использованы разнообразные источники, позволяющие проиллюстрировать представленные выводы: опубликованные и неопубликованные документальные материалы и переписка Черчилля военных лет [14; 17; 27]; его историко-мемуарные произведения [20; 21; 26]; дневники и воспоминания людей из ближайшего окружения премьер-министра [24; 25; 28; 31]. Исследовательская проблематика статьи определяет необходимость привлечь для анализа основ «периферийной стратегии» основные военно-теоретические труды, повлиявшие на взгляды Черчилля и в целом британскую военную доктрину рассматриваемого периода [4; 6; 7; 13].

В основе методологии данной работы лежат принципы объективности и историзма, т.е. анализ тех или иных событий и явлений как феноменов конкретной исторической эпохи. Выбор в качестве объекта исследования всего комплекса идей и действий У. Черчилля в рассматриваемый период предполагает использование системного подхода. Конкретная методика исследования включает в себя традиционные методы: историко-типологический, историко-сравнительный, историко-генетический.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Будущий великий политик с детства проявлял интерес к истории, с годами он только расширялся и углублялся; восприятие важных событий с точки зрения их

исторической обусловленности всегда будет проявляться в его деятельности [32, р. 85]. Его практическое знакомство с военным делом началось во время учебы в военном училище в Сандхерсте и продолжилось участием в колониальных войнах в Индии, Судане, Южной Африке и на Кубе в качестве офицера или военного журналиста. Мышление «кавалериста викторианской эпохи» будет в какой-то степени постоянно проявляться в действиях и решениях Черчилля; для него война это прежде всего изобретательность, инициативность и решительность – отсюда всегда проявлявшаяся склонность к различным нестандартным идеям, неожиданным решениям, не всегда продуманным и реалистичным. Это также неизбежно порождает с самых первых шагов военной и политической карьеры Черчилля сложные взаимоотношения со многими представителями профессиональной военной верхушки: догматичность и расчетливость их действий противоречила его восприятию войны как «благородной мужской игры», которая требует «импровизации и силы разума» [3, с. 94].

Первая мировая война вроде бы предоставила Черчиллю, который в ноябре 1911 г. стал первым лордом Адмиралтейства (т. е. военно-морским министром), шанс в полной мере проявить себя в качестве военного лидера, способного предлагать правильные решения. Но довольно быстро его неумная энергия, склонность к активным действиям, нестандартным и смелым идеям перестали соответствовать реалиям «позиционной войны» и сделали Черчилля «белой вороной» среди военно-политической верхушки Британии. Уже в конце декабря 1914 г. он задает риторический вопрос: «Разве нет других альтернатив, кроме как посылать наши армии жевать проволоку во Фландрии?» [12, с. 116]. Наиболее известные черчиллевские инициативы периода Первой мировой войны (провалившаяся амбициозная дарданелльская операция, которая чуть не поставила точку в его политической карьере; иллюзорные планы десантов на германское побережье Балтики и Северного моря; начавшаяся еще перед войной максимальная поддержка развития авиации; разработка и первый опыт использования танков) показывают неприятие им «стратегии истощения» в форме кровавых сухопутных сражений на Западном фронте и стремление найти нестандартные пути продолжения войны, которые бы минимизировали людские и материальные потери [5, с. 314–316; 19, с. 144–145]. Уже в мае 1915 г. он был вынужден уйти из правительства после скандальных последствий неудачи дарданелльской операции; при этом возвращение Черчилля в правительство в июле 1917 г. на важный пост министра вооружений свидетельствует все же о признании его выдающихся организаторских способностей и сохраняющейся принадлежности к британской правящей элите.

Достигнутая победа 1918 г. была, по мнению Черчилля, «куплена столь дорогой ценой, что неотличима от поражения» [20, с. 20–21]; т. е. не была достигнута главная цель войны – добиться лучшего состояния послевоенного мира в сравнении с предвоенной геополитической ситуацией [7, с. 386, 403]. Такой результат был порожден, по мнению критически настроенных политиков и военных, прежде всего пренебрежением со стороны британского военно-политического руководства

периода Первой мировой войны принципами традиционных для Лондона на протяжении нескольких веков «морской стратегии» и политики «блестящей изоляции». В результате прямого участия для поддержки союзников в европейской войне и создания ради этого массовой сухопутной армии британское общество было вынуждено пережить беспрецедентные в своей истории людские и материальные потери. Эти итоги мирового конфликта были неприемлемы как с точки зрения массового общественного мнения, так и критически настроенных представителей политического и военного истеблишмента, к которым, безусловно, принадлежал и У. Черчилль.

На этой основе в межвоенный период, когда в британской военной науке неизбежно начинается и углубляется стремление критически переосмыслить уроки войны, постепенно происходит сближение стратегических взглядов Черчилля и официальных оценок минувшего военного конфликта. Например, план дарданелльской операции, результаты которой в 1914–1915 гг. серьезно подорвали авторитет тогдашнего главы Адмиралтейства, стал все чаще оцениваться как чуть ли не единственная интересная и правильная стратегическая идея британского руководства за всю войну. При этом нетрудно убедиться в совпадении идеи этой операции с основными принципами стратегии «непрямых действий», разработанной к концу 1920-х гг. самым известным и оригинальным британским военным теоретиком и историком XX века Бэзилем Лиддел Гартом: нужно быть всегда готовым к изменению стратегии «сообразно сложившимся обстоятельствам»; «действительное сосредоточение сил является результатом их рассредоточения», поэтому нужно наносить удары по нескольким направлениям; не нужно атаковать самого сильного врага до момента серьезного ослабления его союзников, проявления последствий экономической блокады и воздушных бомбардировок и, как следствие, нарастания морального разложения его руководства. Т. е. следует максимально использовать «непрямые» средства воздействия на противника для «нарушения его устойчивости»; цель правильной стратегии – достичь поставленные задачи «без серьезных боевых действий» и, как следствие, свести собственные потери до минимума [7, с. 370–381].

Неудивительно, что, по мнению самого Лиддел Гарта, «ошибка была не в самой идее дарданелльской операции, а в способе ее проведения в жизнь» [9, с. 129]. Со своей стороны Черчилль, лично контактировавший со многими влиятельными британскими военными аналитиками и историками и явно симпатизировавший, как показывают его действия и оценки, принципам доктрины «морского господства» А. Мэхэна–Ф. Коломба и «господства в воздухе» Дж. Дуэ, понимал и искренне поддерживал их идеи, главный лейтмотив которых заключался в необходимости исключить повторение в надвигающемся новом военном конфликте уровня потерь 1914–1918 гг. за счет использования совершенно другой военной стратегии [33, p. 5].

В 1920–1930-е гг. сохраняется искренний интерес Черчилля к развитию вооружений, что также соответствовало тогдашним тенденциям развития военной науки: будущие военные конфликты виделись прежде всего «войной машин».

Основа британской «правильной» стратегии, по его мнению, оставалась неизменна – «на протяжении всей нашей истории жизнеобеспечение и безопасность зависели от военно-морского флота» [20, с. 466]. Сохраняется его убежденность в огромной роли авиации; в своих выступлениях этого периода Черчилль постоянно подчеркивал ее определяющее влияние на фундаментальные основы ведения будущей войны и на изменение геополитического положения Британских островов в силу их неизбежной уязвимости для ударов с воздуха [30, р. 187; 5, с. 570–574]. Будучи в какой-то мере «отцом танков», Черчилль поддерживал развитие бронетанковых соединений, при этом не скрывая к концу 1930-х гг. серьезный скептицизм относительно их реальных возможностей на поле боя [26, р. 139].

К началу нового мирового конфликта будущий премьер-министр несколько более реалистично, чем тогдашнее британское руководство, оценивал сложившуюся военно-политическую ситуацию. Видя в качестве главной стратегической задачи сохранение и расширение мирового влияния Лондона, в качестве способа ее достижения он призывал вернуться к основам традиционной британской «морской» стратегии, которая, с учетом геополитических и военно-технических реалий новой эпохи, могла быть названа «периферийной» или «стратегией не прямых действий», но не изменила своих сущностных характеристик. Эта стратегия всегда базировалась на использовании «континентальной шпаги» против главного противника (теперь Германии и, возможно, Италии); британские силы должны оказывать поддержку серьезными морскими и воздушными операциями и действиями относительно немногочисленных сухопутных войск в основном на периферийных театрах военных действий. Готовность Франции стать главной «континентальной шпагой» была основным условием для реализации этого «удобного» для Лондона варианта ведения европейской войны; в его реальности никто в британском руководстве, включая Черчилля, не сомневался [8, с. 36–37].

Именно исходя из этих расчетов он резко выступал против мюнхенского соглашения и всей «политики умиротворения», которая, по его мнению, была «бесчестна» и стала полным и ничем не оправданным «поражением без войны», подстегивавшим неумеренные амбиции Гитлера и Муссолини и серьезно угрожавшим европейским позициям Лондона [21, Кн. 1, с. 148–149]. Также в связи с этими соображениями Черчилль, не отказываясь от своего неприятия советской идеологии, для реализации нужной с точки зрения глобальных британских интересов стратегии был убежден в необходимости возрождения в какой-то форме сотрудничества с Москвой, поскольку «без действенного восточного фронта» защитить их невозможно [29, р. 50–56].

Интересно отметить явный скептицизм Черчилля накануне войны в отношении перспектив формирования англо-американского военно-политического союза. При всей его симпатии к США (подпитываемой родственными связями) и активной собственной пропаганде единства «семьи англо-говорящих народов» он считал неизбежным определяющее влияние идей изоляционизма на американское общество, что резко ограничивало возможности президента Ф. Рузвельта развернуть внешнюю политику Вашингтона по направлению реализации активной мировой

стратегии великой державы. Кроме того, сама необходимость еще одного привлечения американских ресурсов, по мнению политика, была слишком непредсказуема для интересов Лондона и исключалась существующим балансом сил в Европе [29, р. 195; 29, р. 187].

Как итог, стратегические взгляды Черчилля к началу Второй мировой войны практически полностью совпадали с господствующими тенденциями в развитии британской военной теории и практики. Взаимоотношения Черчилля с военно-политическим истеблишментом в силу разных обстоятельств были далеко не безоблачны весь межвоенный период, поэтому многие как критики, так и поклонники считали его убежденным противником военных усилий правительства [34, р. 225]. Однако в действительности он никогда не выступал против осовремененных принципов периферийной стратегии, в который раз все более очевидно проявлявшихся в британской военной политике, и критиковал правительство только в случае отступления от этих принципов. В частности, Черчилль, постоянно выступая за усиление авиации и флота, считал принятие максимально осторожной оборонительной доктрины для сухопутных операций в Европе полностью соответствовавшей британским интересам.

Близость взглядов Черчилля и правящей верхушки подтвердило его повторное назначение 3 сентября 1939 г. на пост Первого лорда Адмиралтейства. Послевоенные суждения политика о вреде оборонительной «доктрины Мажино» для эффективности стратегии и общественной готовности к войне можно считать попыткой затушевать в том числе собственные заблуждения: хотя на своей старой-новой должности осенью 1939–весной 1940 гг. он проявляет уже привычное стремление найти какие-то нестандартные способы активизировать военные действия (например, план операции «Катерин» по вторжению британских сил на Балтику), но исключительно в рамках сохранения «стратегии выжидания», порождаемой англо-французской убежденностью в неизбежности скорого экономического краха Германии [21, Кн. 1, с. 210–213; 15, с. 39–40]. Поэтому понятна приоритетность распределения британских военных ресурсов: в рамках принципов «периферийной стратегии» Средиземноморью и Балканам уделялось особое внимание. С ними полностью согласуется и активно поддерживаемая именно первым лордом Адмиралтейства идея единственной реализованной до разгрома Франции крупной наступательной операции – высадки войск в Норвегии, закончившаяся, как известно, болезненным провалом для британского руководства и лично для Черчилля [26, р. 490–495].

Интересна связь советского вектора британской «большой стратегии» и планов периферийных операций этого периода войны. Вроде бы Черчилль во время обсуждения перспектив создания балканского фронта осенью 1939 г. повторил свое давнее убеждение в необходимости «возобновить отношения с Россией» и заявил о понимании советских действий в Польше и Прибалтике [22, с. 133–134; 30, р. 49–50]. Но очевидна зависимость его отношения к СССР от контекста общей логики «периферийной» войны с Гитлером: ради сохранения и усиления экономической блокады Германии глава Адмиралтейства был готов поддержать печально

известные планы отправки англо-французских сил «на помощь» Финляндии и воздушных ударов по кавказским нефтепромыслам; даже советско-финское перемирие не остановило разработку этих операций, означавших в случае их реализации фактически начало ограниченной войны против Москвы [18, с. 284–285; 25, р. 263–264]. Такое стремление к расширению географии мирового конфликта, полностью противоречащее логике военной науки, можно объяснить не только и не столько неизлечимым антикоммунизмом Черчилля, но и потерей им веры в возможности Красной Армии создать действенный «восточный фронт» (после ее серьезных проблем в войне с Финляндией) и стремлением взять под контроль или уничтожить потенциально важнейшие для Германии источники стратегического сырья (нефть, железная руда, никель) на севере и юго-востоке Европы.

Став новым премьер-министром 10 мая 1940 г., Черчилль взвалил на себя огромную ответственность и огромную власть – с этого момента именно его стратегические идеи и решения и формально, и фактически имели решающее значение для выработки британской стратегии ведения войны. Май–сентябрь 1940 г. стали очень сложным периодом как лично для Черчилля, так и для всего британского общества. Капитуляция Франции и бегство британских сил с континента подорвали основы проводимой до этого доктрины ведения войны, которая считалась вполне обоснованной и, как казалось, гарантировавшей победу. Для рационально мыслящих политиков становится понятным тот факт, что война стала для Лондона вопросом выживания, а не борьбой за восстановление утраченных позиций ведущей мировой державы. Черчилль сам заявил 3 июля 1940 г.: «моя «гениальная» стратегия сейчас состоит в том, чтобы выжить в ближайшие три месяца» [10, с. 524].

«Стратегия выживания» не основывалась, как утверждают некоторые историки, на «ложных причинах» (имеется в виду уверенность в неспособности Германии вести длительную войну, переоценка собственных военных возможностей, надежда на скорое вступление в войну США) [15, с. 39, 42–43]. Если бы стратегия Черчилля этого времени полностью базировалась на ошибочных оценках ситуации, она неизбежно привела бы его страну к поражению. Премьер-министр правильно учитывал принципиально значимые для понимания ситуации факторы: морально-психологическое неприятие британским обществом перспективы поражения; принципиальную важность геостратегического фактора островного положения Британии при сохранении господства на море и, как он обоснованно надеялся, в воздухе; неизбежное возрастание скрытого советско-германского противостояния; возможность контроля над океанскими коммуникациями для сохранения и развития военного потенциала метрополии и Империи с помощью американской поддержки.

При этом для Черчилля было ясно уже в эти тяжелые месяцы, что единственный шанс вновь создать условия для ведения долговременной и эффективной «периферийной» стратегии – найти сильных союзников, способных взять на себя большую часть бремени ведения военных действий; фактически выбора не было – им могли стать на данном этапе войны только США. Продолжение активных действий в Средиземноморье, в частности проведение 3–5

июня 1940 г. операции «Катапульта» по нейтрализации французского флота, должно было доказать сохранение определенных военных возможностей Британии и благоприятно повлиять на позицию американского руководства. Ради изменения американской «политики нейтралитета» и втягивания США в войну Черчилль был готов пойти даже на прямой шантаж угрозой капитуляции и «судьбой британского флота», понимая, что Рузвельт не может допустить полного крушения Британской империи [17, с. 114–128; 27, р. 40]. Катастрофическая ситуация также заставила премьер-министра пытаться оживить контакты с Москвой, впрочем, без каких-то внятных результатов [21, Кн. 1, с. 366–367].

Появление в британском руководстве к началу осени 1940 г. обоснованной надежды на переход от борьбы за выживание к ведению длительной войны ради достижения победы порождает разработку Комитетом начальников штабов и представление 4 сентября Военному кабинету меморандума «Будущая стратегия», основные принципы которого влияли на оценки Черчиллем стратегической ситуации как минимум до конца 1941 г. Исходный и вполне реалистичный фундаментальный принцип стратегии Лондона на данном этапе войны – уверенность в безопасности метрополии, поскольку «любая попытка противника вторгнуться в нашу страну потерпит неудачу»; но заявление о перспективах перехода «в генеральное наступление во всех сферах и на всех театрах весной 1942 г.» говорит только о стремлении выдать желаемое за действительное или, что менее вероятно, отсутствии адекватных оценок перспектив развития войны [35, р. 4].

Что более важно, уже в этом документе формулируется главный принцип трансламаншской стратегии Лондона, которому он следовал на протяжении большей части войны: «в нашу политику не входит намерение высадиться на континент Европы армией, сравнимой по размерам с германской»; только после серьезного истощения противника может вестись речь о высадке «ударных сил» и начале последнего и решающего наступления [35, р. 51]. Для Черчилля и всего британского командования это стало, с учетом соотношения их собственного и германского военных потенциалов, главной стратегической доминантой на сколько-нибудь обозримую перспективу.

Но, по их мнению, были другие, и вполне приемлемые, стратегические варианты если не разгрома, то серьезного ослабления Германии. Из них на первое место была по-прежнему поставлена экономическая блокада как наиболее эффективная и достижимая форма противоборства, для поддержки которой могут потребоваться ограниченные сухопутные операции «для восстановления ситуации»; воздушные бомбардировки рассматривались как «вспомогательный» вариант наступательных действий. При этом сам Черчилль 3 сентября вполне обоснованно выразил серьезные сомнения в эффективности блокады из-за «успехов немцев» и сделал акцент на расширение ударов с воздуха, которые, как он надеялся, «позволят одержать победу» [1, с. 228]. Также в меморандуме «Будущая стратегия» снова подчеркивалась важность активизации «спецопераций», пропаганды и любых других форм дестабилизации обстановки в оккупированных странах. При формулировании региональных приоритетов стратегии Лондона на второе место

(после обеспечения безопасности и снабжения Британских островов) снова была поставлена оборона имперских позиций на Ближнем Востоке и в Средиземноморье и только потом – безопасность Сингапура и Малайи [35, р. 5–6].

Нетрудно убедиться, что эти основы британской военной доктрины полностью соответствовали традициям и стремлениям воевать «на периферии» в форме «стратегии непрямых действий», что в условиях отсутствия «континентальной шпаги» и неопределенности с позицией Вашингтона было понятно и даже неизбежно. В январе 1941 г. в беседе с ближайшим помощником Рузвельта Г. Гопкинсом Черчилль безапелляционно заявил о том, что «в этой войне никогда не будет противостоящих друг другу крупных сил» и с американской помощью «Англия сможет господствовать в воздухе и тогда Германии придет конец» [23, с. 407].

Премьер-министр уже летом 1940–весной 1941 гг. стал убежденным защитником стратегической концепции «Средиземноморью – первое место». Этот регион был, с одной стороны, перекрестком имперских коммуникаций, с другой – самым уязвимым для германо-итальянских ударов звеном Британской империи; одновременно именно здесь в перспективе можно было надеяться на эффективное наступление «в мягкое подбрюшье» противника и комплексное использование своих ограниченных сил для «замыкания блокады» и прямого воздействия на врага.

Черчилль до нападения Германии на СССР оценивал стратегическую ситуацию в Средиземноморье как критическую, требовавшую срочные чрезвычайные меры. Еще в августе 1940 г., в условиях вполне реальной угрозы вторжения через Ла-Манш, он настоял на переброске около половины имевшихся в метрополии танков в Египет; ради чисто политических целей, для сохранения влияния в Юго-Восточной Европе и в Восточном Средиземноморье (и совершенно неоправданно надеясь в перспективе на создание «балканского фронта»), Черчилль принимает многими военными и политиками считавшееся грубой стратегической ошибкой решение отправить силы из Ливии в Грецию [11, с. 272–273; 28, р. 561–562]. Т. е. уже к концу 1940 г. появился приоритетный средиземноморский вариант «периферийной стратегии», указывавший на будущее важнейшее направление военно-политических усилий Лондона в борьбе за возвращение в Европу.

Средиземноморские симпатии Черчилля вызывали определенные возражения даже в его ближайшем окружении. Например, начальник имперского генерального штаба генерал Дж. Дилл приравнял значение Египта с угрозой для Сингапура [1, с. 529–533]. Единственное официальное обещание, которое не мог не дать Черчилль ради сохранения единства Империи – в случае нападения на Австралию и Новую Зеландию «идти на любые жертвы, кроме ослабления обороны и снабжения метрополии»; при этом реальных возможностей его выполнить у Лондона не было [1, с. 466; 29, р. 182]. Фактически британский лидер, понимая отсутствие достаточных и адекватных угрозам ресурсов для их развертывания сразу на двух театрах военных действий, отказался от поддержания дальневосточных имперских позиций против пока потенциальной японской угрозы ради поддержания активных операций в Средиземноморье; тем более, что, по его обоснованному мнению, нападение Токио почти неизбежно втянет в мировую войну США, и это «пересилило бы все неблагоприятные моменты» [21, Кн. 2, с. 265; 30, р. 880–881].

И все же к лету 1941 г. даже Черчилль стал высказывать серьезные сомнения в эффективности избранной стратегии ведения войны. Главное достижение к этому моменту британского руководства во главе с премьер-министром было очевидно – удалось целый год войны «в одиночку» обеспечить безопасность метрополии и важнейших имперских коммуникаций, сохранив и в чем-то укрепив серьезный военно-экономический потенциал и при этом избежав массовых людских потерь. Но избранные методы наступательного воздействия на противника не давали сколько-нибудь ощутимых результатов, и в целом стало понятно, что они не обеспечивали решающих успехов и могли рассматриваться только в качестве средства определенного ослабления противника: действенность экономической блокады была во многом утрачена в результате контроля Берлина почти над всем европейским континентом; масштабы воздушных бомбардировок в силу отсутствия достаточных ресурсов и проблем с их организацией были еще ограничены; расчет на «массовые восстания» на оккупированных территориях выглядел пока весьма иллюзорно [2, с. 35–36; 50–57]. Это была, как постепенно стал понимать и сам Черчилль, по-прежнему «стратегия выживания», но не «стратегия победы».

Для принципиального изменения стратегической ситуации требовалось отвлечение основных ресурсов противника на борьбу с другим сильным врагом, т. е. требовалось вступление в войну союзных держав, которые оказались бы способны восстановить глобальный баланс сил. Выбор был ограничен – это могла быть Америка и/или СССР, причем в отношении Москвы были очень серьезные сомнения в готовности советского военного потенциала к современной войне. При этом, по оценкам самого Лондона, даже в случае вступления США в мировой конфликт это какой-то период времени не скажется заметным образом на ситуации в Европе из-за неподготовленности Вашингтона к войне, неизбежности тихоокеанских приоритетов американской стратегии и сложностей трансатлантической логистики [28, р. 267–270]. В результате Черчилль по-прежнему был вынужден ждать развития событий и пытаться активизировать ограниченные операции «на периферии» с надеждой на их использование для «возвращения на континент» после изменения стратегической ситуации.

Начало Великой Отечественной войны, несмотря на интуитивное понимание премьер-министром всей важности этого переломного события [5, с. 753], не заставило его пересмотреть сформулированные еще осенью 1940 г. принципы британской стратегии; он повторил их в послании Рузвельту от 25 июля 1941 г. в качестве основы совместных операций против Германии на 1942 г. и даже на 1943 г. [17, с. 178–179]. Конечно, премьер-министр испытывал огромное облегчение; как известно, Лондон на протяжении многих месяцев делал все возможное для подталкивания Кремля к осознанию реальности угрозы нацистского вторжения (безусловно, не ради советских, а ради британских интересов) [16, с. 12–13; 22, с. 362–364]. Но среди англо-американского руководства решили не придавать этой по их оценкам «скоротечной кампании» сколько-нибудь решающее значение. В конечном счете и для Черчилля самым главным был сам факт наличия советско-германского фронта «хотя бы до зимы» [30, р. 556–557]. Поэтому вопрос о какой-то значимой помощи Москве, кроме моральной поддержки, очень ограниченных

поставок вооружений и организации важнейших для самой Британии совместных военно-политических действий в Иране, пока не стоял. Более того, по мнению премьер-министра, «восточная кампания» Гитлера только временная передышка и она может стать прелюдией к удару через Ла-Манш уже осенью 1941 г.; он также высказывает серьезное беспокойство из-за потенциального наступления немцев через Кавказ на Ближний Восток [25, р. 408; 31, р. 379].

Поэтому в качестве главной задачи на вторую половину 1941 г. Черчилль считал подготовку военного потенциала и британского общества к длительной войне. Основное его внимание по-прежнему было обращено к средиземноморскому театру военных действий, где после успехов германо-итальянских сил на Балканах и в Северной Африке ситуация для Британии серьезно ухудшилась; но отвлечение основного внимания немцев на войну с СССР сняло угрозу расширения их операций в этом регионе и позволило надеяться на собственное наступление. Поэтому Черчилль возлагает особые надежды на проведение операции «Крусейдер» с целью скорейшего разгрома германо-итальянских сил в Ливии и, более того, предлагает очередное свое «смелое решение» – одновременное проведение операции «Уипкорд» (десант на Сицилию), поскольку разгром Италии является самым очевидным вариантом создания серьезных проблем для Берлина на юге Европы и «здесь находится слабейший пункт противника» [31, р. 743]. Учитывая крайне неудачный результат предыдущих британских сухопутных операций, откровенно негативную позицию Вашингтона к расширению использования ресурсов в этом регионе и весьма нелогичную взаимосвязь этих планов с развитием советско-германской войны (ожидание только «временной передышки» и одновременно подготовка крупномасштабных операций для использования ее результатов) справедливо оценить эти предложения Черчилля оторванными от военных реалий, что и доказал ход военных действий.

В целом вступление в войну СССР и США вроде бы давали все основания серьезно пересмотреть основы британской стратегии в результате принципиального изменения общей конфигурации мировой борьбы; однако Черчилль и в конце 1941 г. был крайне осторожен в своих стратегических оценках перспектив ведения военных действий. Во время подготовки к первой после вступления США в войну англо-американской конференции в декабре 1941 г. премьер-министр сформулировал свое видение планов операций на 1942–1943 гг., и они по-прежнему основывались на стратегических принципах 1940 г.; единственное, но очень важное добавление – признание важности «русского фронта» [2, с. 248–256; 21, Кн. 2, с. 295–301].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Черчилль основывал свои решения на начальном этапе Второй мировой войны на следующих взаимосвязанных принципах, полностью вписывающихся в концепцию «периферийной стратегии»: неизбежность, в силу ограниченности ресурсов, «экономного» способа ведения боевых действий и отказа от крупных сухопутных операций на континенте; приоритетность воздушно-морских акцентов британских военных усилий; стремление к реализации политических целей даже в ущерб

военной целесообразности (по возможности и в допустимых пределах); безальтернативность американской экономической и, в перспективе, прямой военной поддержки; необходимость как можно более масштабных и долговременных операций на советско-германском фронте для отвлечения основных сил вермахта; жизненно важная роль атлантических коммуникаций для снабжения метрополии и Средиземноморья для сохранения имперских позиций; осуществление воздушных бомбардировок и экономической блокады как главных вариантов активного воздействия на противника. Характерная для Черчилля склонность к неочевидным и неожиданным решениям, постоянное стремление использовать появившиеся возможности и изменившиеся обстоятельства [12, с. 292–293] никогда не выходили за рамки этих принципов и проявлялись обычно не на стратегическом, а на оперативном уровне руководства военными действиями. Поэтому можно говорить об очевидной консервативности его стратегического мышления, что порождало как положительные, так и отрицательные последствия с точки зрения эффективности руководства военными действиями.

Проявившиеся уже на начальном этапе Второй мировой войны надежды Черчилля и всего британского руководства сначала на военные возможности Франции, затем на огромный потенциал США и, к концу 1941 г., на растущие возможности СССР как главный способ достижения победы над противником можно справедливо считать циничным и эгоистичным стремлением, используя преимущества собственного геостратегического положения, переложить основную тяжесть войны на союзников. Но такая позиция полностью соответствовала всегда проявлявшемуся в его военно-политической деятельности главному принципу стратегического мышления Черчилля: все мировое геополитическое пространство рассматривалось им как поле борьбы за сохранение и, по возможности, укрепление Британской империи, которая, по собственным словам Черчилля, «для меня начало и конец всего» [10, с. 323]. На практике этот «имперский патриотизм» означал частое игнорирование премьер-министром позиции других государств, альтернативных мнений и суждений, если они не совпадали с его пониманием британских интересов. В этой убежденности в своем праве и своей обязанности неукоснительно отстаивать эти интересы в любой ситуации была главная сила и, одновременно, ограниченность взглядов и оценок Черчилля; результатом было непреклонное стремление к победе над противником и вера в эту победу, но военно-стратегические идеи и решения британского лидера были слишком тесно привязаны к европейским и имперским интересам Лондона и нередко теряли гибкость и реалистичность в сложнейших условиях Второй мировой войны, что проявляется уже в 1939–1941 гг.

Список использованных источников и литературы

1. Батлер Дж. Большая стратегия, сентябрь 1939 – июнь 1941. – М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1959. – 584 с.
Butler J. Bol'shaya strategiya. Sentyabr' 1939 – iyun' 1941. M: Izd-vo Inostrannoi lit-ry, 1959. – 584 s.
2. Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия, июнь 1941 – август 1942. – М.: Воениздат, 1967. – 568 с.
Butler J., Gwyer J. Bol'shaya strategiya, iyun' 1941 – avgust 1942. – M: Voenizdat, 1967. – 568 s.
3. Бедарида Ф. Черчилль. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 457 [7] с.

- Bedarida F. Churchill'. – М.: Molodaya gvardiya, 2006. – 457 [7] s.
4. Дуэ Дж. Господство в воздухе. Вероятные формы будущей войны. – М., АСТ; СПб., Terra Fantastica, 2003. – 603 [5] с.
- Douhet G. Gospodstvo v vozdukh. Veroyatnye formy budushchei voiny. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 603 [5] s.
5. Гилберт М. Черчилль: биография. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. – 1056 с.
- Gilbert M. Churchill': biografiya. – М.: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2015. – 1056 s.
6. Коломб Ф. Морская война. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 668 [4] с.
- Colomb Ph. Morskaya voina. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 668 [4] s.
7. Лиддел Гарт Б. Стратегия не прямых действий (Энциклопедия военного искусства). – М., АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. – 656 с.
- Liddel Hart B. Strategiya nepriamykh deistvii (Entsiklopediya voennogo iskusstva). – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. – 656 s.
8. Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. – М.: АСТ; СПб., Terra Fantastica, 1999. – 944 с.
- Liddel Hart B. Vtoraya mirovaya voina. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. – 944 с.
9. Лиддел Гарт Б. Правда о Первой мировой войне. – М.: Яуза, Эксмо, 2009. – 480 с.
- Liddel Hart B. Pravda o Pervoi mirovoi voine. – М.: Yauza, Eksmo, 2009. – 480 s.
10. Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925–1945. – М.: Международные отношения, 1987. – 782 с.
- Maisky I. M. Vospominaniya sovetskogo diplomata, 1925–1945. – М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1987. – 782 s.
11. Манчестер У., Рейд П. Уинстон Спенсер Черчилль. Защитник королевства. Вершина политической карьеры, 1940–1965. – М., Центрполиграф, 2016. – 1183 с.
- Manchester U., Reid P. Uinston Spenser Churchill'. Zashchitnik korolevstva. Vershina politicheskoy kar'ery, 1940–1965. М.: Tsentrpoligraf, 2016. – 1183 s.
12. Медведев Д. Л. Уинстон Черчилль. Последний титан. – М.: Молодая гвардия, 2022. – 489[7] с.
- Medvedev D. L. Uinston Churchill'. Posledniy titan. – М.: Molodaya gvardiya, 2022. – 489, [7] s.
13. Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю, 1660–1783. – М., АСТ; СПб., Terra Fantastica, 2002. – 634, [6] с.
- Mahan A. Vliyaniye morskoi sily na istoriyu, 1660–1783. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – 634 [6] s.
14. Печатнов В. О., Магадеев И. Э. Переписка И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. Т. 1. – М., ОЛМА Медиа Групп. 2015. – 656 с.
- Pechatnov V. O., Magadeev I. E. Perepiska I. V. Stalina s F. Ruzvel'tom i U. Cherrchillem v gody Velikoy Otechetvennoy voyny. Dokumental'noe issledovanie, T. 1. – М.: OLMA Media Group, 2015. – 656 s.
15. Рейнольдс Д. Черчилль и «решение» Англии продолжать войну в 1940 г.: правильная политика, ложные причины // Вопросы истории. – 1990. – № 9. – С. 29–48.
- Reynolds D. Churchill' i «reshenie» Anglii prodolzhat' voinu v 1940 g.: pravil'naya politika, lozhnye prichiny // Voprosy istorii. – 1990. – № 9. – S. 29–48.
16. Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль: Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. – М.: Наука, 2004. – 564 с.
- Rzheshevsky O. A. Stalin i Churchill': Vstrechi. Besedy. Diskussii: Dokumenty, kommentarii, 1941–1945. – М.: Nauka, 2004. – 564 s.
17. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Ред. Ф. Л. Лоуэнхейм, Г. Д. Лэнгли, М. Джонас. – М.: Терра, 1995. – 800 с.
- Sekretnaya perepiska Ruzvel'ta i Cherrchillya v period voyny. – М.: Terra, 1995. – 800 s.
18. Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. – М.: Международные отношения, 1989. – 456 с.
- Trukhanovsky V. G. Uinston Churchill'. – М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1989. – 456 s.
19. Уткин А. И. Черчилль: победитель двух войн. – Смоленск: Русич, 1999. – 656 с.
- Utkin A. I. Cherrchill': pobeditel' dvukh voin. – Smolensk: Rusich, 1999. – 656 s.
20. Черчилль У. Мировой кризис. М.; Л.: Воениздат, 1932. – 528 с.
- Churchill W. Mirovoi krizis. – М., L.: Voienizdat, 1932. – 528 s.
21. Черчилль У. Вторая мировая война. – М.: Воениздат, 1991. – Кн. 1. 592 с.; Кн. 2. 671 с.

- Churchill W. Vtoraya mirovaya voyna, Kn. 1–2. – M.: Voenizdat, 1991. – Vol. 1, 592 s.; Vol. 2, 671 s.
22. Чубарьян А. О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис: сентябрь 1938 – июнь 1941 гг. – М.: Наука, 2021. – 431 с.
- Chubaryan A. O. Kanun tragedii. Stalin i mezhdunarodnyy krizis: sentyabr' 1938-iyun' 1941 gg. – M: Nauka, 2021. – 431 s.
23. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. – М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1958. – 680 с.
- Sherwood R. Ruzvel't i Gopkins glazami ochevidtsa, T. 1. – M.: Izd-vo inostrannoy lit-ry, 1958. – 680 s.
24. Bryant A. Turn of the Tide, 1939–1943. Based on the Diaries and Autobiographical Notes of Field Marshall the Vicount Alanbrooke. – London: Collins, 1957. – 766 p.
25. Cadogan A. The Diaries of Sir A. Cadogan 1938–1945. Ed. D. Dilks. – London: Cassel, 1971. – 881 p.
26. Churchill W. The Second World War. – London; Boston; Toronto: Cassel, Houghton Mifflin. – Vol. 1, The Gathering Storm, 1948. – XVI, 784 p.
27. Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence / Ed. W.F. Kimball. Vol. 1. Alliance Emerging. Oct. 1933–Nov. 1942. – Princeton: Princeton univ. press, 1984. – CLXV, 674 p.
28. Eden A. The Memoirs. The Reckoning. – London: Cassell, 1965. – 623 p.
29. Edmonds R. The Big Three: Churchill, Roosevelt and Stalin in Peace and War. – London: W. Norton and Co., 1991. – 668 p.
30. Gilbert M. Winston Spenser Churchill. Vol. 6, Finest Hour, 1939–1941. – London: Heinemann, 1983. – XX, 1308 p.
31. Ismay H. The Memoirs of General The Lord Ismay. – London: Heinemann, 1960. – IX, 486 p.
32. Jablonsky D. Churchill, the Great Game and Total War. – London: Frank Cass, 1991. – 237 p.
33. Lewin R. Churchill as Warlord. – New York: Stein and Day, 1973. – 283 p.
34. Liddel Hart B. The Military Strategist // Churchill Revised: A Critical Assessment. – New York: The Dial Press, 1969. – pp. 150–178.
35. Public Record Office, Great Britain. War Cabinet Papers. The Chief of Staff Committee memoranda. CAB 80/17, COS (40) 683. P. 170–204.

Potapov S. A. Winston Churchill's Strategic Thinking and the Evolution of the British «Peripheral Strategy» on the Eve and at the Initial Stage of Second World War

The article presents an attempt to reveal the relationship between Winston Churchill's strategic thinking and the evolution of the British «peripheral strategy» on the eve and at the initial stage of the Second World War (until the end of 1941). When preparing an article, it is supposed to take into account the entire variety of ideas, events and phenomena that influenced this process: the stages of development of the military doctrine and foreign policy of London in the period under review; the formation of the British leader's strategic views and his military thinking before the start of a world conflict; Churchill's strategic ideas of September 1939 – December 1941 in the context of the development of the war and taking into account the military-political factors that determine them; general geopolitical situation. The article notes that the position of the British leader has always been determined by the desire to preserve the position of the British Empire by all means in the face of a new world conflict and, as a result, the rapid deterioration of the global balance of power for London. The material of the article shows the coincidence of the strategic ideas and decisions of the Prime Minister with the principles of the British traditional "peripheral strategy", which is explained both by the views of Churchill himself formed under the influence of accumulated experience, and by the dynamics of the military-strategic situation that had developed for London at the beginning and at the first stage of the war. These principles were based on the desire, due to the limited resources of Britain, to wage the most "economical" war: without major land operations on the European continent until Germany and its allies were seriously weakened; taking into account the priority of their own air-sea operations and actions in the Mediterranean in order to preserve Atlantic communications, the most important imperial positions and active economic influence on the enemy; in anticipation of the entry into the war of the USSR and, especially, the United States and, as a result, a fundamental change in the configuration of the world struggle.

Keywords: Second World War, interwar period, Great Britain, Churchill, military thought, military strategy, 1939–1941.